

РЕЦЕНЗИИ

Й. О. Дзензелевський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ч. I. — Ужгород, 1958, 48 стр. + 120 + 2 карты («Наук. зап. [Ужгородськ. держ. ун-ту]», т. XXXIV).

Выход в свет нового лингвистического атласа всегда является событием в языкознании. Тем более ценно появление атласа, посвященного одной из самых интересных в диалектологическом отношении областей восточнославянской и вообще славянской территории — украинскому Закарпатыю. Специфичность этой области объясняется ее определенной географической изолированностью от остальной восточнославянской территории (откуда вероятность сохранения ряда архаизмов) и ее расположением на древнем пограничье трех основных групп славянских языков (откуда вероятность сохранения старых переходных явлений).

Рецензируемая часть «Атласа» представляет лишь половину его первого тома, посвященного рассмотрению лексики. Однако уже она позволяет оценить значительность работы, проделанной П. А. Дзензелевским, известным украинским диалектологом и историком языка¹: в книге представлено 120 лексических карт, материал для которых был собран в 212 пунктах Закарпатской области.

Следует особенно отметить объем диалектологической литературы, использованной при составлении «Атласа»: в библиографическом списке, не включающем ряда привлеченных для работы фольклорных записей, насчитывается более 250 названий². В большом количестве были по-

пользованы автором записи³ и исследования, опубликованные в местных изданиях, сосредоточенные почти исключительно в книгохранилищах Закарпатья и поэтому малодоступные. Такая подробная библиография отражает стремление, все настойчивее проявляющееся в среде советских диалектологов, — стремление сделать лингвистический атлас не только отчетом о работе, проделанной на местности, но и универсальным диалектологическим справочником в руках исследователя языка.

Во многом используя лучшие достижения румынской (работы Э. Петровича и его учеников⁴) и польской (работы К. Нича и его учеников⁵) школ лингвистической географии, рецензируемый «Атлас» тем не менее самостоятелен по методике и, если можно так выразиться, уникален среди славянских атласов своей направленностью в сторону изучения лексики. В то же время, охватывая довольно значительную по территории славянскую область, он представляет гораздо более обширный материал, нежели, например, лексические карты атласа К. Дейны⁶, являющиеся лишь своего рода дополнением

³ К сожалению, в комментариях не указывается номер населенного пункта в тех случаях, когда иллюстративные примеры взяты из печатных источников (см. комментарии к картам №№ 1—4, 6—8, 14, 15, 22, 32, 37, 81 и др.). А это важно знать, поскольку возможны расхождения между печатными источниками и материалами «Атласа». Ср., например, карту № 1, где в н. п. 75 отмечено слово *ïap'* «весна», а в комментарии приведена постройка со словом *весна*, при этом сам автор находит нужным специально отметить, что в обычной речи для выражения понятия весны в этом говоре употребляется слово *ïap'*.

⁴ Ср., например, «Atlasul lingvistic român», Seria nouă, vol. I—II, București, 1956.

⁵ Ср., «Mały atlas gwar polskich». t. I, Wrocław — Kraków, 1957.

⁶ К. Дейна. Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski. 2 tt., Łódź, 1951—1953.

¹ Ср., например, его работы: «Лексика українських говорів Закарпатської області» («Наук. зап. [Ужгородськ. держ. ун-ту]», т. XXVI, вип. 2, 1957); «Термінологія, пов'язана з ткацьким станком у говірках Закарпатської області» («Доповіді та повідомлення [Ужгородськ. держ. ун-ту]», Серія історико-філологічна, № 1, 1957) и др.

² Пропуски незначительны. Можно отметить, например, отсутствие в списке этнографических работ Фальковского (J. Fałkowski, Północno-wschodnie pogranicze Huculszczyzny, Lwów, 1938; его же, Zachodnie pogranicze Huculszczyzny, Lwów, 1937; ср. также J. Fałkowski, B. Pasznycki. Na pograniczu łemkowsko-bojkowskiem. Lwów, 1935).

к лексико-фонетическим картам⁷, или карты атласа Я. Сятковского⁸, имеющие в основном узкоспециальный характер и не могущие отразить древних процессов. Разнообразие лексических пластов, охваченных «Атласом», дает возможность использовать его материал для характеристики самых различных по своей хронологии явлений.

Сводные карты, заключающие 1-ю часть «Атласа», представляют в какой-то степени выводы автора о диалектном членении Закарпатья на основании данных лексики. Полностью подтверждается закономерность отделения гуцульских говоров от остальных закарпатских (в пограничной полосе между ними проходит более 40 лексических изоглосс — ср. сводные карты №№ 1 и 11, а также №№ 2 и 3) и связь их с находящимися северо-восточнее говорами Покутья⁹. Возможно, образование резко очерченной группы гуцульских говоров является результатом вторичного движения восточных славян за Карпаты [ср. наличие в них ряда общеукраинских (юго-восточно-славянских) новообразований: *богато* «много» (карта № 118), *хата* (№ 15), *скрипки* (№ 98)]. Вместе с тем «Атлас» дает указания на связи гуцульских говоров с соседними говорами Закарпатья и на сохранение в них ряда древних восточнославянских элементов [например, *віно* «шриданое» (№ 32), *гід* «год» (№ 110) и др.], что служит убедительным опровержением всплывающим время от времени теориям о происхождении гуцулов от поздних переселенцев с запада, юга или востока¹⁰.

Менее резкой является граница между говорами карпатских верховин и долин (сводная карта № 8). Что же касается пучков изоглосс, идущих в основном с юго-запада на северо-восток (по течению р. Латорцы, старым границам административных единиц и т. д. — ср. сводные карты

№№ 4, 5, 6), то они создаются главным образом сферами распространения заимствований различной давности и едва ли могут служить основанием для выделения обособленных диалектных зон.

Анализ многочисленных карт, отражающих распространение заимствований, дает зато значительный материал для характеристики взаимоотношения украинских говоров с их западными соседями — польскими, словацкими, венгерскими и румынскими говорами. Здесь, кроме названий реалий, отличных от местных реалий [например, *грѣна* «борона» < рум. *grădă*, ср. *борона* (№ 84)], выделяются заимствования, связанные с влиянием иноязычного государственного аппарата [например, *ізір* «тысяча» < венг. *ezer*, ср. *міс'ача* (№ 115)]. Особенно интересно проследить распространение заимствований из западославянских языков, где представлены часто не только иные слова [например, *вбра* «губа» < польск. *warga*, ср. *губа* (№ 40)], но и морфологические [например, *лішка* «лищенца» < словацк. *liška* или польск. *liszka*, ср. *лусіц'а* (№ 9)] и фонетические варианты одних и тех же по происхождению слов [например, *печ* «печь» < словацк. *pec* или польск. *piec*, ср. *піч* (№ 24); *мідло* «мыло» < польск. *mydło*, ср. *міло* (№ 102)]. Здесь представляется важным определить сферы польских и словацких заимствований в северо-западном Закарпатье.

Если сравнительно недавно данные географии слов почти полностью игнорировались историками языка и считалось, что наличие (отсутствие) определенных лексем в языке не позволяет делать каких-либо далеко идущих выводов, то теперь положение изменилось. В настоящее время проявляется стремление увидеть в лексических различиях диалектное членение, зачастую более давнее, чем членение, устанавливаемое исследованном фонетике и морфологии¹¹. Фонетические и морфологические системы именно в силу их системного характера стремятся к быстрому и широкому распространению, в то время как лексические инновации почти никогда не могут полностью охватить все многообразие словаря. Материалы рецензируемого «Атласа» во многом подтверждают это положение, давая ключ к интерпретации ряда чрезвычайно древних явлений.

Периферийные и изолированные географически закарпатские говоры не были затронуты многими поздневосточнославянскими (частично украинскими) лексическими инновациями. На этот процесс указывают карты сфер распространения архаизмов *квіт'* «клеть» (№ 21, ср. *кобра*), *віно* «шриданое» (№ 32, ср. *посаг*), *свад'ба* (№ 31, ср. *весілля*), *перст'*¹²

⁷ Что, впрочем, оправдывается целью этого атласа — установить языковую границу на небольшой (обследован 51 пункт) территории переходных говоров.

⁸ J. S i a t k o w s k i, Słownictwo Warmii i Mazur, Wrocław, 1958.

⁹ Ср. Б. К о б и л я н с к и й. Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття, «Український діалектологічний збірник», кн. 1, Київ, 1928.

¹⁰ Ср., с одной стороны, работы Янова, считавшего гуцулов сперва романзированной, а позднее украинзированной ляхской группой (J. J a n ó w, Uwagi o gwarach huculskich, śladach ich stosunków z polszczyzną oraz o pierwotnej ludności Ziemi Czerwieńskie); «Sprawozdania t-wa naukowego we Lwowie», t. 8, 1929, стр. 51—59; е г о ж е, Pochodzenie Huculów w świetle zarządzeń, там же, t. 18, 1938, стр. 26—27), с другой стороны, недавнюю гипотезу этнографа Зеленина (Д. К. З е л е н и н, Про кийське походження карпатських українців — гуцулів, «Українська етнографія», т. IV, Київ, 1958), видающего в гуцулах потомков киевских ремесленников.

¹¹ Ср., например, попытку Ф. Маурера использовать лексические изоглоссы для обоснования нового членения германских диалектов (F. M a u r e r, Nordgermanen und Alemannen. 3. Aufl., Bern — München, 1952).

¹² Интересно сохранение этого слова на

(№ 37, ср. *pálecъ*), *gъd* «год» (№ 110, ср. *pъk*), *imъiti* «поймать» (№ 113, ср. *zlo-vъiti*), *mъbъgъo* (№ 118, ср. *boгáto*), *tъjn'o* «дешево» (№ 119, ср. *dъшеgo*) и т. д. Повидимому, сохранение таких архаизмов свидетельствует о достаточно ранней колонизации закарпатских областей предками восточных славян. «Атлас», таким образом, может помочь в решении этого спорного вопроса, столь различно трактованного разными исследователями¹³, а также дать дополнительный материал для освещения ряда коренных проблем формирования украинского языка.

Впервые получили лингво-географическое основание факты так называемых закарпатско-южнославянских связей, на которые в свое время обратил внимание В. Погорелов¹⁴. Уже в рецензируемом томе «Атласа» можно отметить значительное число слов, имеющих закарпатско-южнославянский ареал [*вѣрeмья* «солнечная погода» (№ 2), *мáчка* «кошка» (№ 8), *хъйжа* «крестьянский дом» (№ 15), *оболок* «окно» (№ 22), *кúча* «свинарник» (№ 29), *пáвнати* «спешить» (№ 112), *игрáти* «танцевать» (№ 114), *копáчка* «мотыга» (№ 83), *нйчелниця* «часть ткацкого стана» (№ 106)¹⁵]. Совокупное рассмотрение изгlossen такого рода не только может дать многое для решения вопроса о генезисе закарпатских украинских говоров, но и способно пролить свет на проблему переселения южных славян за Карпаты.

Таким образом, значение рецензируемого «Атласа» далеко выходит за рамки проблематики диалектной области, с которой он имеет дело непосредственно. Его материал будет полезен как для составителей большого украинского атласа, так и для коллективов, занятых подготовкой общеславянского атласа, который, по господствующему мнению, должен будет иметь преимущественно лексический характер. В частности, в вопросник общеславянского атласа могут быть, вероятно, включены вопросы атласа закарпатских говоров, отражающие праславянские диалектные противопоставления типа другой, северной, окраине восточнославянской области, ср. сев.-русск. *перѣс*, *нѣрес* (M. V a s n e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. 2, Heidelberg, 1953, стр. 344).

¹³ Ср., например, сводку мнений в книге: I. П а н ь к е в и ч, Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей, Прага, 1938, стр. 14 и сл.

¹⁴ В. П о г о р е л о в, Болгаризмы в закарпаторусских говорах, «Spisy Filozofskej fakulty Slovenskej university v Bratislave», t. 29, 1940. Ряд отрицательных оценок этой статьи (M. Фасмера, И. Панькевича, в последнее время Л. А. Булаковского) опроверг лишь часть доводов автора, но не его основной тезис.

¹⁵ Ср., например, болг. *врѣме* «погода», серб. *мáчка* «кошка», болг. *хъйжа* «хижина», венг. *ablak* «окно», южно-слав. **kočja* «дом», болг. *пáня* «храню, берегу», болг. *игрáя* «танцую», болг. *копáчка* «мотыга», болг. *нйчелки* «часть ткацкого стана».

**дъньсь* — **nyňě* (№ 116), **vesna* — **garь* (№ 1), **pъrstъ* — **páльсь* (№ 37), **zъdati* — **čekati*, **čakati* (№ 111).

Переходя к вопросам, касающимся чисто практического выполнения карт «Атласа», надо прежде всего остановиться на следующем. При лингвистическом картографировании одно из важнейших условий, которое необходимо строго соблюдать, заключается в четком разграничении противопоставленных и непротивопоставленных различительных элементов. В частности, при картографировании лексического материала — названий предметов, понятий — надо всегда иметь в виду, что названия можно противопоставлять лишь тогда, когда известно полное семантическое тождество этих названий. Из этого положения исходит и П. А. Дзендзелевский (см. предисловие, стр. 8). Большинство его карт с этой точки зрения верны. Однако в некоторых случаях можно обнаружить отход от указанного принципа, причем делается это автором вполне сознательно. Он пишет, что в тех случаях, когда имеется 2 или 3 видовых названия и «особенно когда одно из них хоть иногда может выступать как родовое», карту составлять можно, «во всяком случае в региональном атласе» (стр. 8). С этим положением согласиться нельзя. Несомненно, что ошибки не будет тогда, когда одно из видовых названий, противопоставляемых на карте названиям родовых, может, хотя бы и иногда, выступать в говоре как название родовое. В противном случае, т. е. когда видовое название выступает только как таковое, противопоставлять его как различительный элемент родовому названию в принципе будет неправильно. При этом совершенно неважно, имеется ли в данном говоре при отсутствии общего (родового) названия всего лишь два или три видовых названия или же их больше. Их может быть столько, сколько разновидностей (этнографических) данного предмета известно носителям говора. Но все эти названия не могут противопоставляться ни друг другу, ни общему названию данного предмета (или понятия), несмотря на функциональную близость или даже функциональное тождество обозначаемых ими предметов. И это, разумеется, относится не только к общенародным атласам, но и к региональным.

В связи с этим автора «Атласа» можно упрекнуть в том, что он значительное внимание уделяет лексике, связанной с такими предметами, которые обнаруживают этнографические различия. Таковы вопросы о названиях жилища, предметов домашней утвари, хозяйственных построек, сельскохозяйственных орудий, одежды и некоторые другие¹⁶. Весьма

¹⁶ Этот недостаток в большей или меньшей мере характерен и для других атласов. Ср., например, «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (M., 1957), об указанном недостатке которого и сами составители пишут во «Вступительных статьях» (стр. 64 и сл.).

характерна в этом отношении карта № 57 (название женского фартука). На этой карте как противопоставленные картографируются и названия фартука вообще (независимо от его кроя и материала), и названия разновидностей фартука, связанных с различиями в крое фартука и его материала. В комментариях, правда, все эти различия отмечены. Однако комментарий может только предостеречь читателя от неправильного чтения составленной карты. Подобное замечание можно сделать и в отношении карт №№ 21, 22, 56, 58—60, 67, 94, особенно карты 81 и др. На этих картах изогlossы получаются, и они бесспорно представляют значительный лингвистический интерес. Но это скорее изогlossы, которые показывают распространение названий, обозначающих функционально близкие или функционально тождественные предметы с этнографическими различиями, а не изогlossы строго противопоставленных лексических явлений. Поэтому при картографировании лексических явлений основное внимание должно быть уделено прежде всего таким явлениям, которые не отражают предметных различий (названия животных, птиц, растений, плодов, овощей, частей тела и др.)¹⁷.

В известной мере, видимо, указанный недостаток сказался и на соотношении карт, посвященных отдельным частям речи. И в этом «Атласе», как и в других, основное внимание уделено существительным. Лишь 15 карт посвящено другим частям речи, главным образом глаголу. Возможно, что во второй части тома им будет уделено больше внимания.

В «Атласе» последовательно проводится графическое выделение трех типов противопоставлений. Основное противопоставление — это противопоставление названий, представляющих собой этимологически разные слова (например, *рик* — *гид*). Второй тип — противопоставления словообразовательных и морфологических вариантов (например, *плат*, *платок*, *плат'анік*, *приплаток* и т. п.). Третий тип — это противопоставления фонетических (в том числе и акцентных) вариантов. Это дополнительное противопоставление, разумеется, может касаться как противопоставляемых разных слов, так и противопоставляемых словообразовательных и морфологических вариантов. Указанные типы противопоставлений имеют определенную систему обозначений, чем достигается строгое разграничение на самих картах словообразовательных вариантов от вариантов фонетических.

Известно, что не во всех атласах на лексических картах отмечаются фонетические варианты. И это находит свое оправдание. Едва ли было бы целесообразно, например, в общенародном атласе указывать на картах фонетические варианты. Это может, при наличии многих вариантов, и заслонить основную тему карты, и вы-

звать много чисто практических затруднений. В таких случаях целесообразнее фонетические варианты приводить в комментариях. Другое дело с региональным атласом. Здесь, как нам кажется, передача фонетических вариантов на лексических картах вполне целесообразна. Это определяется спецификой региональных атласов: чем больше частных особенностей отражено в атласе, тем он ценнее. Можно, конечно, и в региональном атласе особенности произношения отдельных слов отражать на частных фонетических картах. Но это сильно увеличило бы объем атласа и то главным образом за счет фонетических особенностей, характерных для незначительной группы говоров.

В рецензируемом «Атласе» отдельными знаками передаются не все фонетические варианты отдельных слов, а лишь такие, которые нельзя объяснить постедовательными, регулярными фонетическими изменениями, характерными для данного говора. Те же варианты, которые обусловлены законочерными изменениями, на картах обозначаются одним общим знаком. Это правильно. Правда, при отсутствии карт на соответствующие фонетические явления, как, например, в данном «Атласе», мы не можем сказать, глядя на карту, как именно звучит данное слово в каждом конкретном говоре. К сожалению, в комментариях к картам не всегда указывается, в каких говорах употребляется тот или иной фонетический вариант, а также мотивы обозначения ряда фонетических вариантов одним знаком (ср., например, №№ 7, 62, 83, 96, 110 и др.).

Разумеется, что к отображению фонетических особенностей на лексических картах надо подходить осторожно, чтобы за ними всегда была ясно видна основная тема карты. Их следует отражать тогда, когда, во-первых, их немного и, во-вторых, когда они дают четкие изогlossы. С этой точки зрения целесообразность передачи фонетических вариантов на большинстве карт рецензируемого «Атласа» (таких карт 50 из всех 120) не вызывает сомнений.

В «Атласе», как правило, фонетические варианты слов дают четкие изогlossы, которые безусловно важны для характеристики отдельных групп говоров. Некоторые из них при этом совпадают с основными лексическими изогlossами. Так, например, западная граница варианта *руш'нік* (другой вариант *руч'нік*) (№ 58) в основном совпадает с западной границей распространения названий *фін* «крестник», с его вариантами (№ 51), *клубка*, *клубч'ка* «наседка» (№ 86), *ве^чсна* «весна» (№ 1) и др. Довольно четкие изогlossы дают фонетические варианты и других названий. См. изогlossы слов *зазул'а* (*зазул'э*) и *зо^узул'а* «кукушка» (№ 14), *ко^уч'е^рга* и *коч'арга* «кочерга» (№ 26), *свѣд'ба* и *свѣл'ба* «свадьба» (№ 31), *играти* (*играти*) и *грати* «играть на скрипке» (№ 99), *лѣжка* (*лѣж'ка*) и *лйжка* (*лѣжка*, *лйжка*) «ложка» (№ 65)

¹⁷ Ср. и рецензию С. Б. Бернштейна на «Атлас русских народных говоров...», ИАН ОЛЯ, 1958, вып. 4, стр. 364.

и др. Однако в некоторых случаях очевидно чрезмерное увлечение фонетическими вариантами. Так, вряд ли стоило картографировать отдельными знаками формы *пiака* и *пiака* «женский фартук» (№ 57), отмеченные всего в 3-х пунктах (№№ 57, 59, 60). В этих формах согласный *е* представляет, вероятно, результат регулярного изменения *л* в *е*. Ср., например, *зо^урiака* «горилка» в этих говорах при *зо^урiака*, *згорiлка* в других говорах (№ 61). Может быть, не стоило бы выделять отдельными знаками варианты *не^{пi}i-тка* и *не^{пi}i-ска* «невестка» (№ 48), *позрiеник* и *покрiеник* «крестник» (№ 51) и некоторые другие.

Большое место в «Атласе» занимают лексические заимствования. Способ их передачи, как нам кажется, имеет в известном смысле принципиальное значение и представляет некоторые затруднения. Предметом картографирования в данном «Атласе» являются хронологически любые иноязычные заимствования в отличие от «заимствований» из украинского литературного языка, которые не картографируются (см. №№ 1, 7, 9, 21, 22 и др. и комментарии к ним). Эти заимствования передаются следующим образом. Если корень иноязычного слова отличается от корня (корней) украинских названий, то эти названия передаются как основные различительные элементы — противопоставление корней [по типу *рик* — *гид*, например, *борона́*, *смык*, *грапа* «борона» (№ 81)]. Если на данной карте все картографируемые слова, в том числе и заимствованные, имеют один и тот же корень и отличаются только словообразовательными аффиксами или морфологическими особенностями, то такие слова на картах противопоставляются так же, как и указанные выше [например, *лиси́ца* — *лишка* «лисица» (№ 9)]. В том случае, когда заимствованное слово отличается от украинских названий словообразовательными аффиксами или морфологическими особенностями и на карте противопоставляется не менее двух разных корней, то заимствованное слово передается как противопоставление словообразовательных (морфологических) вариантов слов. В связи с этим мы бы хотели высказать следующее соображение.

Нам представляется, что любые иноязычные заимствования следовало бы обозначать на картах как противопоставление разных корней. Ведь фактически для говора, записывающего какое-либо слово из другого языка, в принципе безразлично, имеются ли слова того же корня в говорах, родственных данному говору, или нет, потому что проникновение этого слова из другого языка (здесь прежде всего следует иметь в виду родственные языки) в данный говор не обязательно должно связываться с наличием слов того же корня в других говорах. Поэтому иноязычное заимствованное слово, отличающееся словообразовательными аффиксами или морфологическими (и даже фонетиче-

скими) особенностями от слов того же корня в других говорах, в данном говоре будет таким же внешним, чужим, как и заимствованное слово с иным корнем. Заимствования и того и другого рода выступают здесь примерно на равных основаниях и картографировать их следует одинаково. Иногда автор «Атласа» так и поступает. Ср., например, карту № 7, где названия *ко^уцiр* «кот», словацк. *kosúr* и укр. *kit*, имеющие один корень, передаются как противопоставление разных корней. Это позволяет на самих картах резко отграничить исконное слово от заимствованного, хотя бы этимологически и близкого слова. Здесь, правда, составитель карт должен будет решать нередко сложный вопрос: является ли данное слово заимствованием из другого языка или нет.

Все карты «Атласа» выполнены в коричневом и белом цветах. В общем почти все они читаются легко, особенно те, в которых отражено противопоставление двух лексических явлений. Труднее (или даже с трудом) читаются лишь некоторые карты, где использованы знаки с разного рода штриховкой (см. №№ 27, 63, 66, 83 и др.). Конечно, «Атлас» был бы гораздо нагляднее (и наряднее), если бы хотя часть карт была многоцветной. Отсутствии цветных карт, видимо, объясняется техническими причинами, поэтому к автору тут не может быть никаких претензий. «Атлас» и в том виде, в каком он издан (имеем в виду в данном случае чисто техническую его сторону), заслуживает всяческой похвалы, особенно если иметь в виду возможности местного издательства и типографии.

Принятая в «Атласе» система знаков не вызывает возражений. Следует отметить довольно последовательно проведенное различие в системе обозначения фонетических и словообразовательных (морфологических) вариантов. Лишь в редких случаях наблюдаются отступления [например, *ка^ука* и *ка^ика* «кочерга» (№ 27), *коса́* и *кiса* «коса» (№ 43) переданы как варианты фонетические, а не словообразовательные]. Акцентные варианты в одних случаях переданы отдельными знаками (см. №№ 81, 102, 12, 97 и др.), в других — одним знаком (№№ 16, 22, 12, 55 и др.). Правильно сделано, что равнозначные варианты, употребляемые в одном и том же говоре, передаются отдельными знаками, а не наложенным знаком или их вписыванием. Хорошо, что знаком меньшего размера передаются менее употребительные варианты. Не вызывает возражений и то, что различие в употреблении вариантов, связанное с возрастными различиями носителей говора, сообщается в комментариях, а не в самой карте.

К сожалению, в «Атласе» нет последовательности в использовании отсылочных знаков. Так, на многих картах отсутствуют знаки, отсылающие к замечаниям в комментариях (см. №№ 47, 62, 68, 84, 93, 95 и мн. др.). Реже бывает обратное

положение, когда на карте есть отсылочный знак, а в комментарии по этому поводу ничего не говорится. Например, п. 146 на карте № 13 помечен знаком для отдельных названий с корнем *крат-* (*крат-*), а в комментарии этот пункт не отмечен, так что остается неизвестным, каково название крата в этом говоре. См. также №№ 39, 73, 93 и др. В легенде на карте № 75 отсутствует отсылочный знак для отдельных единичных названий, указанных на карте при п. п. 208, 210.

В предисловии (стр. 10) сказано, что ударение в «Атласе» обозначается знаком акута (´). Между тем очень часто ударение обозначается и знаком ` (см. №№ 82, 91, 94, 105, 111 и мн. др.).

К сожалению, в «Атласе» отсутствует физическая карта Закарпатья. Необходимость ее очевидна, если иметь в виду горный ландшафт области.

Наконец, надо сказать, что «Атлас» удобен для работы. Он не велик по формату. Краткие комментарии даны рядом с картой на обратной стороне предшествующего листа.

В заключение хотелось бы специально отметить инициативу Ужгородского университета, предпринявшего и быстро осуществившего издание первой части «Атласа», и пожелать скорейшего выхода в свет новых томов этого поучительного труда. Диалектологи имеют теперь наглядный пример возможностей издания чрезвычайно необходимых для славянского языкознания областных атласов.

В. М. Илич-Свитыч, Г. К. Венедиктов

«Атлас болгарских говоров в СССР». Сост. С. В. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. П. Зеленина. Под ред. С. В. Бернштейна. — М., Изд-во АН СССР, 1958. 83 стр., 109 карт (Ил-т славяноведения).

Осенью 1958 г. вышел из печати давно ожидаемый «Атлас болгарских говоров в СССР». Он является результатом многолетнего и всестороннего изучения всех 104 болгарских говоров на юге Советского Союза. В настоящее время в СССР живет около 250 тысяч болгар. Компактные болгарские колонии имеются главным образом на территории Бессарабии (в бывшей Измаильской, теперь Одесской области УССР и в Молд. ССР), а также в Запорожье (УССР, вблизи Азовского моря). Начало болгарской колонизации в России относится ко второй половине XVIII в. Наиболее ранние волны колонизации шли из северо-восточной Болгарии (Ольшанка — 1773 г., массовая колонизация 1806—1812 гг.) и из юго-восточной Болгарии, т. е. из Фракии (1801—1806 гг.). Позже все больше иммигрирует население из южнобалканских областей, особенно из Ямбола и Сливена (массовая колонизация 1828—1830 гг.). Сначала болгары селились у Черного моря к северу от Одессы и Николаева. В конце русско-

турецкой войны 1806—1812 гг. появляются первые болгарские села в Бессарабии. Здесь возникает главный очаг болгарской колонизации с центром в Болграде. В 1861—1862 гг. более 20 тысяч колонистов было перемещено в районы, прилегающие к Азовскому морю (Запорожье).

«Атлас» состоит из двух основных самостоятельных частей: первая (83 стр.) содержит вступительные статьи и комментарии к картам. Вторая часть состоит из 109 карт. Во «Введении» (5—8 стр.) освещаются различные методологические проблемы, связанные с лингвистическим картографированием, и подводятся наиболее существенные итоги, достигнутые исследованием всех 104 болгарских говоров на юге СССР. На данных «Атласа» основывается группировка болгарских говоров СССР. Касаясь вводных замечаний, следует отметить, что, признавая в полной мере значение «Атласа» для изучения болгарских говоров в СССР, а также и для изучения восточноболгарских диалектов вообще, мы все же полагаем, что выводы, сделанные авторами на основании изучения сильно смешанных говоров (причем соответствующих им исконных говоров на территории Болгарии мы, как правило, не знаем), представляются нам слишком далеко идущими. Общеизвестно, как значительны были перемещения населения на территории восточной Болгарии в течение XV—XX вв., как мало там коренного населения, особенно в северо-восточной части Болгарии, насколько сильным является переселенческий элемент также на территории балканских и фракийских говоров. С огромными трудностями сталкивается исследователь болгарских говоров на территории самой Болгарии. Что же касается сильно смешанных болгарских говоров СССР, то об их происхождении мы часто знаем весьма мало и во всяком случае не можем с уверенностью сказать, является ли непосредственный исходный пункт данного говора в Болгарии первоначальным постоянным местом жительства или только одним из этапов скитаний переселенцев. Нам представляются преувеличенными и на данном этапе изучения небудительными сделанные на основе такого материала некоторые далеко идущие выводы, например о генетической связи шуменского говора с южной Болгарией (этот вопрос представляется авторам «Атласа» окончательно решенным), о генетической связи чийшинского говора с северо-восточной Болгарией, а также о первичности балканских и фракийских говоров с артиклем *-o* (описанных еще Милетичем, который, видимо, справедливо отмечал их связь с экспансией загорского населения¹). Следует добавить, что Младенов и Кодов — авторы монографии о фракийских диалектах, являющейся до сих пор наиболее полной, решительно настаивают на типичности артикля *-o(m)*, предполагая, что

¹ L. Miletič, Das Ostbulgarische. Wien, 1903, стр. 23, 26—34.